

исходит переход на асинхронную систему отсчёта, когда вместо привычных «добрый день», или «добрый вечер» приветствие звучит как «добро-го времени суток»⁷.

Таким образом, виртуальный контекст окружающей действительности меняет устоявшиеся характеристики языковой идентичности и роль языковой личности в непрерывном процессе конструирования социальной реальности. Создаваемые языковой личностью тексты как продукты её жизнедеятельности приобретают новые характеристики относительно базовых концептов существования индивида – времени и пространства, что позволяет коммуникантам исполнять разные социальные роли с целью более успешной социализации и интеграции в социальную реальность.

Примечания

¹ См.: Паниткова Э. Ю. Язык и речь – два уровня конструирования социальной реальности языковой личностью // Язык. Культура. Коммуникация : материалы и

тезисы Междунар. науч. конф. / под ред. Г. С. Трофимовой. Ижевск : УдГУ, 2009. С. 75–80.

- ² См.: Иванцова Е. В. О термине «языковая личность» : истоки, проблемы, перспективы использования // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. № 4 (12). С. 24–32.
- ³ См.: Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа : пер. с нем. 2-е изд., испр. и доп. М. : Едиториал УРСС, 2004.
- ⁴ См.: Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2010.
- ⁵ См.: Могилевич Б. Р. Текст и социальная коммуникация // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 58–62.
- ⁶ См.: Исаева И. П. Виртуальная языковая личность : процессы детемпорализации // В мире науки и искусства : вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам V междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : Изд-во СибАК, 2011. С. 102–105.
- ⁷ См.: Закамулина М. Н. Темпоральность во французском и татарском языках : слово, высказывание, текст. Казань : Татар. кн. изд-во, 2000.

Образец для цитирования:

Калинкин А. А. Трансформация языковой личности в процессе конструирования социальной реальности киберпространства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 425–427. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-425-427.

УДК 316. 2

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗДОРОВЬЕ В КЛАССИЧЕСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ

С. С. Шматова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: svshmatova@mail.ru

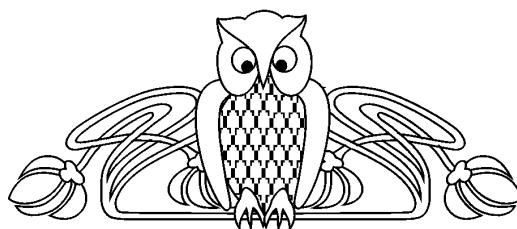
Статья посвящена анализу трансформации социальных представлений о категории «здоровья» на протяжении исторического развития общества. Используя концепцию западного социологического натурализма, социал-дарвинизма, российской органистической школы, показана взаимосвязь биологической природы человека и социального здоровья общества. Проведено социологическое осмысление ценности здоровья в повседневных практиках на основе структурно-функционального анализа, понимающей социологии, феноменологической социологии, постмодернизма, виталистической социологии и др.

Ключевые слова: социология, категория «здоровье», социологические парадигмы.

Evolution of Ideas about Health in Classical Sociological Theory

S. S. Shmatova

This article analyzes the transformation of the social representations of the category «health» over the historical development of society.

Using the concept of Western sociological naturalism, social Darwinism, Russian organisticheskoy school shows the relationship of the biological nature of human and social health of society. A sociological understanding of the value of health in everyday practices on the basis of structural-functional analysis, understanding sociology, phenomenological sociology, postmodernism, vitalist sociology and others.

Key words: sociology, the category of «health», sociological paradigms.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-427-431

Здоровье – это вопрос, издавна волнующий человечество. Тему здоровья рассматривало огромное количество исследователей, поднимающих общечеловеческие вопросы, – от древнегреческих философов до наших современников. Однако только в 1946 г. Всемирной организации здоровья был осуществлен комплексный подход к понятию «здоровье». По определению ВОЗ, здоровье – это состояние полного физического, умственного и социального благополучия. Рассмотрим, как эволюционировало социальное представление о категории «здоровье».

Основы здоровья и здоровьесберегающего поведения были заложены в трудах античных философов Платона, Аристотеля, Аретея, рассматривающих здоровье человека как способность удовлетворять и развивать свои потребности с целью формирования, реализации и защиты жизненной силы человека. Тем самым уже к I в. н. э. были заложены основы концепции социологического витализма. Другие философы Античности имели свою интерпретацию здоровья.

Средневековые ознаменовались взглядом на здоровье как гармоничное единение души и тела. В учениях Августина Блаженного, Фомы Аквинского говорится, что сила разума души (т. е. степень познания ею Бога) определяет красоту человеческого тела¹.

Несомненной вехой в развитии социально-философских представлений о здоровье послужили труды великого ученого и врача Абу Али Ибн Сины. Он первым подошел к проблеме ответственности самого человека за свое здоровье и начал пропагандировать здоровый образ жизни. В своих работах ученый пишет о важности гигиены, умеренной еде, уделяет внимание советам по предотвращению болезней, в частности, о роли и месте физических упражнений в оздоровительной и лечебной практике².

Впоследствии понятие «здоровье» продолжало трактоваться с позиций достижения совершенства в чем-либо или обладания наивысшими духовными благами. Так, Декартом была отмечена определенная зависимость между состоянием человеческого тела (материальной субстанции) и появлением соответствующих чувств, желаний, мыслей (духовной субстанции), действия этих субстанций строго скорректированы благодаря Богу. Определение души как идеи человеческого тела мы находим у Бенедикта Спинозы. Философ видит в явлениях жизни, разумной необходимости познания и любви к Богу, жизнь духа – в мышлении, в стремлении к самосохранению.

Однако в дальнейшем социальные представления о здоровье эволюционировали в обществе в направлении материалистического восприятия природы и человека. Для социал-дарвинизма характерно применение дарвиновской теории борьбы за существование к рассмотрению социальной жизни, т. е. определение последней как арены непрерывной и повсеместной борьбы, столкновений, конфликтов между индивидами, социальными общностями (группами) людей, целыми обществами. П. Гольбах в «Системе природы» писал: «...Между человеком и природой нет принципиальной разницы, у человека лишь более тонкая нервная организация, больший объем памяти. Человеческая “природа” предполагает наличие определенного круга “телесных” потребностей»³.

В социологическую рефлексию категория «здоровье» попала практически в одном ряду с попытками отождествления общества с биологи-

ческим организмом в рамках социологического натурализма.

Одной из школ ранней классической социологии был натурализм Г. Спенсера⁴. Социологическая теория Герберта Спенсера основывается на положении, заимствованном, в первую очередь, из учения Дарвина о живом организме. Г. Спенсер приходит к выводу, что общество есть организм, который имеет гораздо больше общего с живыми существами, нежели с неорганическими агрегатами: общество на протяжении своего существования растет, усложняется его структура; в обществе дифференциация структуры элементов сопровождается аналогичной дифференциацией их функций; в обществе, как и в живом организме, существует разделение труда. Общественный рост, как и рост живого организма, по мнению ученого, обыкновенно длится либо до поглощения данного общества каким-либо другим обществом, либо до его распада на два или несколько иных.

Противоположную точку зрения высказывали традиционалисты и марксисты, которые считали человека высшим существом, стоящим гораздо выше природы. К. Маркс трактовал взаимодействие человека и мира как сложный процесс, имеющий материально-практический характер, направленный на постановку вопроса о соотношении микро- и макросвязей, а также решение задачи интеграции действия и структуры.

Направление объективизма в социологии, не обращаясь к категории «здоровья» напрямую, тем не менее, рассматривает эту тему в разных контекстах. К примеру, Э. Дюркгейм, рассуждая об эмоции самоубийц, фиксирует взаимосвязь их чувств и действий с социальными условиями, степенью интегрированности в социальную среду. Иными словами, социальное здоровье определяется им как важнейшая детерминанта переживаний личности⁵.

В аксиологическом подходе к здоровью присутствует желание помочь индивиду сделать сознательный выбор в хаосе разноречивых и подчас непримиримых ценностей. В своих трудах К. Маннхейм утверждает, что мы обретаем господство над собой в нашей личной и общественной жизни лишь тогда, когда действовавшие ранее как бы за нашей спиной бессознательные мотивы попадают в поле нашего зрения и становятся тем самым доступными сознательному контролю.

В отечественной дореволюционной социологической мысли подходы к здоровью развивались в рамках органицизма, представители которого пытались связать общественную жизнь с природной средой и понять ее с помощью естественных сил. Приверженцы данного направления А. И. Стронин⁶, П. Ф. Лилиенфельд, Я. А. Новиков, исходя из идеи о структурно-функциональном сходстве общества и человеческого организма, проводили аналогию между

живым организмом и обществом⁷. В книге «Политика как наука» А. И. Стронин выделяет законы функционирования «социального тела» т. е. общества: общий биологический закон, общий социологический закон, общий политический закон. По мнению ученого, каждое общество рождается и умирает, и его регресс или прогресс совершаются на основе биологических законов, «но если биологические детерминанты действуют на уровне всего общества, то тем более они действуют на уровне отдельной личности. Которая имеет биологическую основу жизни»⁸.

Природу социальных болезней и возможности терапии социального тела исследовал П. Ф. Лилиенфельд в своем труде «Социальная патология». Одним из фундаментальных оснований его теории было убеждение, что подобно тому, как болезни любого организма – результат аномалий простых клеток, так и общество, представляющее собой совокупность клеток-индивидов, заболевает в силу патологического процесса, происходящего на уровне клетки. «Для того, чтобы человеческое общество сделалось предметом положительной науки, есть только один исход: необходимо включить в ряд органических существ и самое человеческое общество как организм, стоящий в развитии своем настолько же выше человеческого организма, насколько сей последний возвышается над всеми прочими организмами природы»⁹.

Лилиенфельд формулирует в ключе этой идеи ряд вопросов социальной науки, в том числе: не находится ли человек со своими потребностями в таком же отношении к общественному организму, как каждая клеточка животного или растительного организма, и не есть ли все человечество органическое существо, соединяющее в себе в одно целое все отдельные общественные группы, относящиеся к нему как части к целому? Исходя из принципа аналогии, он считает возможным излагать теорию общества в терминах «социальной физиологии». Любой организм есть сочетание клеток; клетками общественного организма являются человеческие индивиды, точнее, их нервные клетки, составляющие нервную систему общества. Эти клетки окружены «междуклеточной тканью», которая включает как естественную среду (почва, климат), так и все созданное самими людьми.

Здоровое состояние социального организма обусловлено правильным соотношением консервативного и либерального элементов (наследственности и приспособления). Однако в обществе возможны социальные патологии типа классовой борьбы или революции. Болезни общества аналогичны заболеваниям мозга: большое хозяйство соответствует слабоумию, большое право – состоянию бреда, большое правительство – параличу. Терапия же заключается в возбуждении или успокоении энергий, в пере-

работке или перераспределении произведенных и потребляемых благ.

В каком-то смысле в данной концепции Лилиенфельда мы можем увидеть стремление рассматривать общество как систему, включенную в социоприродный комплекс, просматриваются элементы идей XX в. о целостности и единстве мировой эволюции.

В свое время еще П. Сорокин, изучая взаимовлияние биологических и социокультурных явлений, выделял *биосоциологию*, включающую биоорганицистскую, дарвинистскую, демографическую и другие школы и направления.

В целом многие из отмеченных выше идей послужили толчком к усилению рационалистических мотивов в развитии социологии XX в. Структурно-функциональный анализ, понимающая социология (М. Вебер), феноменологическая социология (Э. Гуссерль, А. Шюц), постмодернизм (парадигма социального пространства П. Бурдьё), виталистическая социология и другие позволили перейти к социологическому осмыслению ценности здоровья, что потребовало перенести внимание на анализ здоровьесберегающих поведенческих характеристик человека.

По мнению М. Вебера, человек имеет возможность для проявления своей индивидуальности, поскольку личность вкладывает в свои действия определенный смысл. Понятие «социальное действие» было введено Вебером для обозначения действия индивида, направленного на разрешение различных жизненных проблем и сознательно ориентированного на других людей. Он выделял в своих работах четыре разновидности социального поведения: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное, аффективное¹⁰.

Исходя из теории идеальных типов М. Вебера, здоровьесберегающее поведение следует рассматривать как особый вид целерационального поведения. Такое поведение является осмысленным действием, направленным к достижению ясно осознаваемых действующим индивидом целей¹¹.

Теория социального действия Вебера призывает задуматься над тем, чему социальные акторы отдают предпочтение в конкретной ситуации. Она наделяет поведенческие практики значительной воспитательной силой. Призыв Вебера «помнить о последствиях своих действий» можно трактовать как практическую реализацию сознательного отношения индивида к своему здоровью как к социальной ценности.

Открытость общества целям-проектам, которые намечает для себя человек, отражает «податливость» социального мира. Об этом писал и Г. Зиммель¹².

Современная жизнь требует постоянного внимания к специфике повседневного поведения. Австрийский социолог и философ, основоположник феноменологической социологии

Альфред Шюц осуществил синтез философских идей Э. Гуссерля и «понимающей» социологии М. Вебера, предложив оригинальный методологический подход для анализа социальных действий индивидов в контексте мира значений повседневной жизни.

А. Шюц, создавая социологию повседневности, отмечал, что повседневная деятельность неизбежна по причине необратимости изменений в мире. Повседневность – это «верховная реальность», а ее структура – наиболее полная и насыщенная. Человек в любой момент своей повседневной жизни находится в биографически детерминированной ситуации, т. е. в определяемом им физическом и социокультурном окружении, в котором он занимает определенное место не только в пространственно-временном, но и в морально-идеологическом смысле. Повседневность переосмысливается через общепринятые практики, т. е. через действия, совершаемые привычным образом в ходе повседневной социальной деятельности¹³.

Из представителей феноменологической социологии исследованием здоровьесберегающего поведения как способа индивидуального бытия в пространстве типизаций, в фокусе интересубъективного восприятия реальности занимались П. Бергер, Т. Лукман. Они стремились согласовать человеческую автономию и принудительность социальных структур, утверждая, что «наряду с детерминацией объективных структур, существует детерминация со стороны сознания индивидов, которые через конкретные социокультурные действия осуществляют конструирование социальной реальности»¹⁴. Таким образом, целью их теории является анализ реальности повседневной жизни.

Отдельные элементы концепции здоровьесберегающего поведения присутствуют в парадигме социального пространства, представленной в работах П. Бурдьё. Данная теория позволяет изучать образ жизни человека, охватывающей весь комплекс жизненных процессов. П. Бурдьё считал, что человек движим, прежде всего, жаждой признания его человеческого достоинства; признание имеет исключительно социальный характер. Исследования Бурдьё сосредоточены вокруг ключевых концептов: габитус как принцип действия агентов, поле как пространство фундаментальной социальной борьбы, капитал как ресурс в социальном поле, символическое насилие как главный механизм утверждения господства, стремление к функциональности. Рассматривая жизненные стили различных классов, ученый видит в их поведении стремление к функциональности, склонность к полезности, подчиненность режиму необходимости¹⁵.

Сегодня понять и определить здоровье невозможно в отрыве от конкретной среды, в которой живет человек, в отрыве от различных сфер проявлений его жизнедеятельности, вне связи

с целями и назначениями человека. Здоровье – комплексный показатель, который интегрирует биологические, демографические и социальные процессы, свойственные человеческому обществу, отражает уровень его экономического и культурного развития. Можно сказать, что это интегральный показатель качества жизни в объективных ее проявлениях.

Спецификой теоретико-методологических исследований здоровья в социально-философских концепциях является перенос центра тяжести исследований в область изучения взаимосвязей здоровья и факторов уровня жизни, причем не только их прямого воздействия на здоровье, но и обратного – воздействия здоровья на условия и образ жизни в качестве «регулятора» тех или иных компонентов благосостояния.

Социология изучает общественное здоровье с целью постижения механизмов его социальной обусловленности и его места в системе социокультурных ценностей, регулирующих отношение человека к ценностно-мотивационной структуре личности.

Таким образом, необходим интегральный подход, рассматривающий здоровье как многоуровневую систему, включающую социальное здоровье индивидов, социальных групп, общества в целом.

Примечания

- 1 См.: Столяров А. А. Августин // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ. науч. фонд ; пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин, зам. пред. : А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, учён. секр. А. П. Огурцов. 2-е изд., испр. и допол. М. : Мысль, 2010.
- 2 См.: Ибн Сина. Избранное : пер. с араб. и таджик.-перс. / редкол. : Д. Д. Джаббаров [и др.] ; сост. А. Ирисов. Ташкент : Изд-во ЦК Компартии Узбекистана, 1981.
- 3 Гольбах П. А. Система природы // Гольбах П. А. Избранные произведения : в 2 т. М., 1963. Т. 1. С. 666.
- 4 См.: Спенсер Г. Опыт научные, политические и философские / пер. с англ. под ред. Н. А. Рубакина. Минск : Современный литератор, 1999. С. 22–72, 241–264, 388–481.
- 5 См.: Дюркгейм Э. Самоубийство : Социологический этюд. М. : Мысль, 1994.
- 6 См.: Покатов Д. В. Проблема политической элиты в социологической теории А. И. Стронина // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2008. Т. 8, вып. 1. С. 14–15.
- 7 См.: Покатов Д. В. Отечественная социология политической элиты : этапы развития и эволюция // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 14–15.
- 8 Харчева В. Основы социологии : учебник. М. : Логос, 1997. С. 122.
- 9 Кузьмина Г. П., Гаврилова Н. Г. Органицизм как теоретико-методологическая основа миропонимания россий-

- ских мыслителей // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 6 (ч. 4). С. 867–870.
- ¹⁰ См.: Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.
- ¹¹ См.: Кравченко Е. И. Теория социального действия : от Макса Вебера к феноменологам // *Социологический журнал*. 2001. № 3. С. 121–141.
- ¹² См.: Зиммель Г. Как возможно общество? / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Зиммель Г. Избранное : в 2 т. М. : Юристъ, 1996. Т. 2. С. 513.
- ¹³ См.: Гидденс Э. Устройство общества : Очерк теории структуризации. М. : Академический Проект, 2005.
- ¹⁴ Бергер П., Лукман Т. Повседневная жизнь и религиозный опыт // *Религия и общество : Хрестоматия по социологии религии* / сост. В. И. Гараджа, Е. Т. Руткевич. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 535.
- ¹⁵ См.: Шматко Н. А. Различение. Социальная критика суждения // *Социология : энциклопедия* / сост. А. А. Грицанов [и др.]. Минск : Интерпрессервис ; Книжный Дом, 2003.

Образец для цитирования:

Шматова С. С. Эволюция представлений о здоровье в классических социологических теориях // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 427–431. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-427-431.
